

Царь-девица

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван купеческий сын был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него. Однажды Иван купеческий сын отправился на плотике по морю охотничать с дядькою; вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь-девица с тридцатью другими девицами, своими названными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях. Ивана купеческого сына вместе с дядькою позвали на самый лучший корабль; там их встретила царь-девица с тридцатью девицами, названными сестрицами, и сказала Ивану купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться. Тут они и обручились.

Царь-девица наказала Ивану купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приезжал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван купеческий сын воротился домой, поужинал и лёг спать. Мачеха завела его дядьку в свою комнату, напоила пьяным и стала спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей всё рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала:

— Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту булавку в одёжу Ивана купеческого сына.

Дядька обещался исполнить приказ.

Поутру встал Иван купеческий сын и отправился на охоту. Как скоро увидел дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежду булавочку.

— Ах, как я спать хочу! — сказал купеческий сын. — Послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди меня.

— Хорошо! Отчего не разбудить?

Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь-девица послала за Иваном купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко-крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали — не могли разбудить; так и оставили.

Царь-девица наказала дядьке, чтобы Иван купеческий сын завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булавочку, и Иван купеческий сын проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь-девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит. Приехал он домой печальный, кручинный. Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила всё, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иван купеческий сын поехал на охоту, опять проспал всё время и не видал царь-девицы; наказала она побывать ему ещё один раз.

На третий день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать к старому месту; увидали: корабли вдали плывут, дядька тотчас воткнул булавочку, и Иван купеческий сын заснул крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь-девица послала за своим наречённым женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали — не могли разбудить. Царь-девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы её за тридцать земель, в тридесятом царстве. Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одежды Ивана купеческого сына булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь-девицу; но она была далеко и ничего не слыхала. Дядька подал ему письмо от царь-девицы; Иван купеческий сын прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злому дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошёл домой, распрощался с отцом и отправился в путь-дорогу искать тридесятое царство.

Шёл он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на куричьих голяшках повёртывается. Взошёл в избушку, а там баба-яга костяная нога.

— Фу-фу! — говорит. — Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришёл. Волей али неволей, добрый молодец?

— Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятого царства?

— Нет, не ведаю! — сказала ягая и велела ему идти к своей средней сестре: та не знает ли?

Иван купеческий сын поблагодарил её и отправился дальше; шёл, шёл, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взошёл — и тут баба-яга.

— Фу-фу! — говорит. — Русского духу слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сам пришёл. Волей али неволей, добрый молодец?

— Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?

— Нет, не знаю! — отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает «Коли она на тебя рассердится да захочет съест тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью ещё громче». Иван купеческий сын поблагодарил ягую и отправился дальше.

Шёл-шёл, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку — стоит в чистом поле, на куричьих голяшках повёртывается; взошёл — и тут баба-яга.

— Фу-фу! Русского духу слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сам пришёл! — сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съест незваного гостя.

Иван купеческий сын выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью ещё громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица.

— Садись скорей на меня, — сказала жар-птица, — и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!

Только успел сесть на неё, прибежала баба-яга, схватила жар-птицу за хвост и выдернула немало перьев.

Жар-птица полетела с Иваном купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела, наконец, к широкому морю.

— Ну, Иван купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенести тебя на ту сторону я не в силах; добираться туда, как сам знаешь!

Иван купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил и пошёл по берегу.

Шёл-шёл — стоит избушка, взошёл в неё; повстречала его старая старуха, напоила-накормила и стала спрашивать: куда идёт, зачем странствует? Он рассказал ей, что идёт в тридесятое царство, ищет царь-девицу, свою суженую.

— Ах! — сказала старушка. — Уж она тебя не любит больше; если ты попадёшься ей на глаза — царь-девица разорвёт тебя: любовь её далеко запрятана!

— Как же достать её?

— Подожди немножко! У царь-девицы живёт дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через неё как-нибудь узнаем.

Тут старуха обернула Ивана купеческого сына булавкою и воткнула в стену; ввечеру прилетела её дочь. Мать стала её спрашивать: не знает ли она, где любовь царь-девицы запрятана?

— Не знаю, — отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь-девицы.

На другой день она опять прилетела и сказала матери:

— На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы!

Иван купеческий сын взял хлеба и отправился на сказанное место; нашёл дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе. Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь-девицу с тридцатью иными девицами, её названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана купеческого сына срядила по-праздничному и спрятала.

Вдруг в полдень прилетают царь-девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь-девице то самое, что Иван купеческий сын добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко-крепко полюбила Ивана купеческого сына. Старуха сейчас его вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья! Уехала царь-девица вместе с женихом-купеческим сыном в своё царство; обвенчались и стали жить да быть да добро копить.

233

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь с царицею, у них был сын Василий-царевич, и был к нему дядька приставлен. Померла царица, остался царевич сиротою. Думает царь: не то сына женить, не то самому жениться? Вздумал сам жениться. Взял за себя молодую жену, и сделалась она в доме полной хозяйкою, Василью-царевичу злою мачехой. Пожил царь с нею несколько времени, заболел и помер; а царица связалась с дядькою. Раз зовёт Василий-царевич своего дядьку:

— Пойдём по городской стене погуляем.

— Пойдём, царевич!

Пошли; гуляли-гуляли, стали с городской стены спускаться, вдруг из каменной башни окликают царевича три голоса — лев, змей и ворон: «Выпусти нас, Василий-царевич, из неволи! Мы тебя от трёх смертей избавим». Спрашивает царевич дядьку:

— Слышишь, что у нас на городской стене делается?

— Нет, Василий-царевич! Ничего не слышу.

— А коли не слышишь, чтоб тебе и вовек не слышать!

Воротились они домой. Вечером рано ложится Василий-царевич спать, а дядьку от себя отсылает; дядька тому и рад, побежал с мачехой тешиться.

Вот царевич переждал сколько-то времени, встал потихоньку, взял железный лом в двадцать пять пудов, вылез в окошко и пошёл к городской стене. Ударил раз-другой и разбил башню; вышли оттуда лев, змей и ворон, обступили кругом царевича и стали ему наказывать:

— Слушай, Василий-царевич, нашего наказу! Как были у тебя отец да мать родные, долго они искали тебе невесту и таки выискали — за тридевять земель, в тридесятом царстве высватали за тебя царь-девицу и такой уговор с нею сделали: тебе на иной не жениться, ей за иного замуж не выходить. Уж скоро двенадцать лет, как она ждёт тебя — не дождётся. Возьми-ка ты завтра гусли, сядь на корабль и ступай по морю погулять. Как только выедешь в море да заиграешь в гусли, царь-девица сейчас к тебе будет. Только смотри: станет тебя сон клонить, а ты спать не моги! Коли уснёшь, она тебя не добудится и назад уедет. Да ещё тебе скажем: берегись, Василий-царевич, заутро смерть тебя ожидает.

— Какая смерть? — спрашивает царевич.

— Твоя мачеха испечёт на змеином сале три лепёшки и велит тебе подать; не моги их кушать, лучше в карман положи — через малое время всё зло уведает.

Как сказано, так и сделано: взял царевич лепёшки, положил в карман и пошёл за городскую стену; слышит — что-то в кармане ползает, сунул туда руку и вытащил ужа, сунул вдругорядь — вытащил змею, сунул в третий раз — вытащил лягушку. «Правду сказали лев, змей и ворон; съешь я лепешки — всё бы это у меня в утробе народилось!» Ворочается царевич домой, берёт гусли и говорит дядьке:

— Пойдём на корабль, поплывём, по морю погуляем.

Дядька побежал с докладом к мачехе:

— Царевич-де хочет гулять по морю и гусли с собою берёт.

Говорит ему царица:

— Вот тебе медная булавка, воткни её царевичу в ворот кафтана; тогда он заснёт крепким сном, и кто б ни пришёл, кто бы ни приехал — ни за что его не разбудит!

Дядька взял булавку и пошёл с царевичем на пристань, сели на корабль и поехали в открытое море. Василий-царевич заиграл на гусях; услышала ту игру царь-девица из-за тридцати земель, подымала шесть полков, поспешала на свои корабли лёгкие и пускалась в путь — к Василью-царевичу. Царевич завидел паруса за три версты и возгласил дядьке:

— Это чьи корабли плывут?

— А мне почём знать! — отвечал дядька да тем временем вынул булавку и воткнул царевичу в ворот кафтана.

— Ах! Что-то мне спать хочется, — проговорил царевич, лёг и заснул крепким сном.

Вот наехала царь-девица, спустила с своего корабля сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, стала его будить-целовать, на полотнах качать, нежные речи приговаривать; нет, не могла добудиться. Говорит она дядьке:

— Поклонись от меня Василью-царевичу да скажи ему, чтоб ложился спать с вечера, обо мне не печалился: завтра я опять приеду.

Сказала и уехала; как только отплыла царь-девица на версту или две, дядька видит, что теперь до неё голосом кричать — не докричаться, рукою махать — не домахаться, взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и стал дядьке рассказывать:

— Виделось мне во сне, будто какая пичужечка вокруг меня увивалась да так-то грустно щебетала, что у меня на душе и теперь тошно!

Отвечает дядька:

— Не пичужечка то увивалась — увивалась прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, никак не могла добудиться; уезжая, она приказала, чтобы ты, добрый молодец, ложился спать с вечера, поутру раненько вставал да опять сюда побывал.

Василий-царевич воротился домой и залёг спать с вечера; только с горя, со кручины не мог уснуть крепким сном; поутру встал раным-рано и говорит дядьке:

— Поедем на корабле прогуляться!

Дядька побежал к мачехе докладывать, что Василий-царевич опять на море собирается и берёт с собой гусли звонкие.

— На тебе другую булавку, — говорит ему царица, — сделай нонче то же самое, что и вчера делал.

Дядька взял булавку и пошёл с царевичем на пристань; сели на корабль и поехали в море. Василий-царевич заиграл на гуслях, да так нежно, сладко, что и сказать нельзя. Услыхала его игру царь-девица, не могла усидеть на месте, быстро вскочила и закричала громким голосом:

— Ай вы, корабельщики! Подымайте якорь железные, распускайте паруса тонкие и готовьтесь скорёхонько плыть к Василью-царевичу: надо его пораньше застать, пока не заснул непробудным сном.

Понеслись её корабли по морю, словно птицы быстролётные; за три версты увидал Василий-царевич паруса белые и спросил у дядьки:

— Это чьи корабли плывут?

— А мне почём знать! — отвечал дядька, вынул булавочку и воткнул царевичу в ворот кафтана.

Начала дрёма одолевать Василья-царевича, умылся он водою холодною — думал как-нибудь разгуляться! Нет-таки, не стерпел добрый молодец, повалился на палубу и заснул мёртвым сном. Приехала царь-девица, спустила сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, начала его будить-целовать, на полотнах качать; царевич спит — не пробуждается. Принялась на него брызгать, обливать холодной водою: авось проснётся! Нет, ничего не помогает. Царь-девица написала письмоце, положила царевичу на белую грудь, ушла на свой корабль и поехала назад; а в том письмоце было написано: «Прощай, Василий-царевич! Не ожидай меня в третий раз; кто меня любит, тот сам найдёт!»

Как только отъехала царь-девица, а дядька увидал, что до неё криком не докричатся, рукою не домахаться, тотчас взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и говорит:

— Что б это значило? Во второй раз мне привиделось, будто какая пичужечка вокруг меня долго увивалась.

Отвечает дядька:

— Не пичужечка то увивалась, увивалась прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, холодной водой обливала, никак не могла добудиться.

— А что у меня на груди за бумага?

— Это она письмецо написала.

Василий-царевич раскрыл письмецо, прочитал и слёзно заплакал: «Правду говорили мне лев, змей и ворон, чтоб я от сна воздержался; да видно — чему быть, того не миновать!» Приходит он домой в сердцах великих, берёт ружьё в белые руки и идёт в зелёный сад горе размыкать. На любимой его яблоне сидит чёрный ворон да каркает:

— Кар-кар, Василий-царевич! Не послушался ты, не сумел от сна воздержаться — вот теперь и пеняй на себя!

— Как, — думает царевич, — уж и птица надо мной смеяться стала!

Тотчас навёл ружьё, спустил курок и обломил ворону правое крыло.

Ещё тошней у него на душе стало, вышел в чистое поле, шёл-шёл, и попался ему пастух с табуном лошадей.

— Бог помочь тебе стадо пасти! — говорит Василий-царевич.

— Добро жаловать, Василий-царевич!

— А ты как меня знаешь?

— Как же мне не знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лет в пастухах служил. Зовут меня Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка; допрежде того был я первым воеводою, да отец твой разгневался и за провинок сослал меня в пастухи.

— Не ведаешь ли ты, Ивашка белая рубашка, коня по мне? Если выищешь мне доброго коня, я тебя по век не забуду и коли буду во времени — опять первым воеводою сделаю.

Говорит ему Ивашка:

— Не посмотри твоей силы, нельзя тебе и коня указать. Вот стоит ракитовый куст, попробуй — выдерни его с корнем.

Василий-царевич ухватился за куст и выдернул его с корнем — под тем кустом лежит меч-кладенец, боевая палица и вся богатырская сбруя: узда в три пуда, седло в двадцать пять пудов, боевая палица в полтора пуда.

— Ну, царевич, дожидай меня здесь, — говорит Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка, — поутру пригоню я стадо кониное, впереди всех кобылица будет, а вслед за ней жеребец; кинутся они в воду и поплывут далеко-далеко, а как солнышко с полудня своротит да свалит жар, станет тот жеребец выгонять кобылицу в зелёные луга. В те поры смотри не зевай: только ступит жеребец на берег, тотчас и бей его промежду ушей своей палицей.

Сказано — сделано. На другой день выждал Василий-царевич удобный час, ударил жеребца боевой палицей промежду ушей — жеребец на колени пал; зауздал его добрый молодец уздой трёхпудовою, надел на него седельце черкасское и сел верхом. Как очнулся жеребец от удара богатырского, как понёс Василья-царевича по долам, по лугам, по высоким горам! Трое суток носил без роздыху, и не пот с коня, алая кровь капает. Возгласил тут добрый конь человеческим голосом:

— Гой еси, Василий-царевич! Отпусти меня погулять три зари утренние; в синем море я искупаюся, на росе поваляюся, и буду я твой верный слуга.

Царевич отпустил коня; конь погулял три дня и воротился таким сильным и бодрым, что лучше того и не видано и не слыхано.

Сел Василий-царевич на коня и поехал за тридевять земель, в тридесятое государство; долго ли, коротко ли, приезжает он в царство львиное. Говорит царь-лев:

— Эй, мои детки семеры! Берите вилы железные, подставляйте под мои очи старые, дайте мне посмотреть на доброго молодца!

Посмотрел, узнал его и обрадовался:

— Добро жаловать, Василий-царевич! За твою услугу великую гости у меня, сколько надобно.

Накормил его, напоил, спать положил, а наутро в путь-дорогу снарядил. Вот царевич ехал, ехал и приезжает в змеиное царство; царь-змея обрадовался,

ласково гостя встретил и ласково проводил. Поехал царевич дальше — в вороново царство. Встречает его царь-ворон и говорит:

— Хорош молодец, за что, про что обломил крыло у моего братца родимого? За такой провинок надо б с тебя голову снять; да уж так и быть — смертным страхом отделайся.

Взял — посадил царевича на крылья, полетел на сине море и сбросил его в самую глубь. Василий-царевич упал, окунулся в воду и как скоро вынырнул, царь-ворон подхватил его и вынес на сушу.

— Поезжай теперь, куда ведаешь!

Опять сел на коня Василий-царевич, собирается дальше путь держать. Говорит ему добрый конь:

— Крепче держись, Василий-царевич! Надо в три часа, в три минуточки поспеть в тридесятое царство. Под то царство подступил Иван, русский богатырь, рожа шитая, нос плетёный, язык строченый, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспеем туда в три часа, три минуточки, то возьмёт он царь-девицу за себя.

Приехал Василий-царевич к тридесятому царству, мимо Ивана, русского богатыря, проскакал, словно молоньей просветил; разъезжались они на двадцать вёрст, припускали коней навстречу, как ударились боевыми палицами — ажно гром загремел! Бились-бились, никто не осилеет; приустали добрые витязи и условились дать друг другу перемирье на три дня. Василий-царевич разбил шатёр, лёг на отдых и заснул крепким богатырским сном.

Третьи сутки на исходе, а он всё спит. Стал его будить добрый конь:

— Гой еси, Василий-царевич! Не время спать, время вставать, с Иваном, русским богатырём, бой начинать.

Разъезжались витязи на тридцать вёрст, разгоняли коней навстречу, бились-бились — ни тот, ни другой не осилеет; взяли перемирье ещё на три дня. Царевич лёг в шатре и опять уснул. Третьи сутки на исходе, будит его добрый конь:

— Гой еси, Василий-царевич! Полно спать, время вставать, Ивану, русскому богатырю, голову сымать.

Вскакивал Василий-царевич, седлал своего жеребца наскоро, подпруги подтягивал натуго — не для бодрости, а для крепости; едет он, под ним конь пляшет, а Иван, русский богатырь, едет, под ним конь слёзно плачет.

Разъезжались они на пятьдесят вёрст, припускали коней навстречу, как ударились — земля задрожала! Иван, русский богатырь, промах дал, не сдержал в руке боевую палицу, пала она острием наземь и ушла в глубину на три сажени; а Василий-царевич угодил его коню прямо в грудь, посадил того коня задом на сырую землю, самому Ивану-богатырю снял буйную голову. «Теперь путь мне, доброму молодцу, не заказан; возьму-ка я гусли звончатые да пойду в любимый сад царь-девицы». Взял гусли, пришёл в сад и заиграл так нежно да сладко, что и сказать нельзя.

Услыхала ту игру царь-девица, зовёт своих нянюшек-мамушек, даёт им портрет Василья-царевича и посылает в свой любимый сад:

— Бегом бегите, хорошенько разглядите, не приехал ли Василий-царевич? Не он ли в саду на гусях играет?

Нянюшки-мамушки побежали, посмотрели, с портретом сличили, вернулись к царь-девице и докладывают:

— Нет, то не Василий-царевич на гусях играет; хоть и схож на него, а всё не он: Василий-царевич куда прекраснее!

Отвечает им царь-девица:

— Ах вы глупые-неразумные! Ведь царевич теперь от великих трудов изнурился, оттого и портрет не приходится.

Бросилась сама в сад, тотчас узнала своего суженого, брала его за руки белые и вела в свои терема высокие. Обвенчались они, отпраздновали свадьбу и поехали в государство Василья-царевича. Мачеху и дядьку приказал царевич на воротах расстрелять, а сам с молодой женою стал жить-поживать, добра наживать.